

Меган Хорхенсен

Байки из канадской истории

Рассказанные котом по имени Пуша

6+

Меган Хорхенсен
Байки из канадской истории

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Хорхенсен М.

Байки из канадской истории / М. Хорхенсен — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Перед вами, уважаемые читатели, сборник коротких рассказов из истории Канады, рассказанных вдумчивым, умудрённым котом по имени Пуша. Это не учебник, не энциклопедия, не научное исследование. Это просто интересные эпизоды из разных времён, которые, как надеется их автор, привлекут ваше внимание, вызовут улыбку, а иногда заставят переживать за героев и сочувствовать им. И, наверно, разбудят во многих из вас интерес к истории страны. Читайте «Байки из канадской истории», рассказанные замечательным котом по имени Пуша, и улыбайтесь. Приятного чтения!

Содержание

XVII-XVIII века: Как канадские индейцы охотились на медведя	5
1663 год: Первый конец света в Канаде	6
1663 год: Первый коллективный иск в Канаде	7
1664 год: Суд над индейцем-насильником	8
XVI-XVIII века: Индейские женщины	10
XVII век: К вопросу о феминизме былых времён	11
1667: И вновь о правосудии в Канаде XVII века	12
1668 год: Коррупция былых времён в Канаде	13
XVII век: Как наказывали в Канаде за супружескую неверность	14
1669 год: Убийство ирокеза	15
XVII век: Премия за медведей	16
XVII-XVIII века: Как индейцы стреляли из лука	17
XVII век: История любви	18
XVII век: Легенда об Амаледи	19
1671 год: Убийца в юбке	21
1690: Спасти рядового Ришара или как поступают настоящие девушки	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Меган Хорхенсен

Байки из канадской истории

XVII-XVIII века: Как канадские индейцы охотились на медведя

Индейцы Канады практиковали любопытный способ охоты на медведя:

К волосяному канату привязывали большой камень и подвешивали его к ветви дерева. Камень намазывали толстым слоем меда. Привлеченный запахом лакомства, медведь, подходил, вставал на задние лапы и пытался облизать камень, но тот качался на веревке и ударял медведя по морде – обхватить его было невозможно, так как камень был большим и скользким.

Ошарашенный медведь в ответ бил по камню. Тот раскачивался и снова колотил косолапого – уже сильнее. Медведь вновь наносил удар. Камень раскачивался сильнее... Драка медведя с камнем продолжалась до тех пор, пока окровавленный мишка с разбитой мордой не падал без сил на землю. Охотникам, привлеченным ревом разъяренного и израненного зверя, оставалось лишь добить его. Иногда тот вообще погибал в этой битве с булыжником.

Если бы медведь, вместо того, чтобы в ярости отвечать насилием на насилие, хоть немного подумал бы, он бы сообразил, что стоило осторожно разгрызть веревку, и медовый камень упал бы на траву, к его полному удовольствию.

К сожалению, люди похожи на медведей. Отвечают насилием на насилие, тогда так игнорирование хамства, оскорблений от лиц-булыжников и тупости их является лучшим ответом.

Примечание Пуши: Мы, коты, осторожные и рассудительные. На такую примитивную уловку нас не возьмёшь.

1663 год: Первый конец света в Канаде

5 февраля 1663 года на территории всей Канады (в то время территория страны соответствовала территории сегодняшнего Квебека) началось сильнейшее землетрясение. Оно было такой силы, что русло крупнейших рек сместилось на несколько километров. Речушки помельче и ручьи попросту исчезли. Пропали и обширные озёра площадью в десятки километров, но появились другие, ещё большей площади. Рухнули горы, загорелись леса, а невиданной высоты волны смывали деревни на побережье. Земля тряслась целыми днями. Настоящий Апокалипсис!

Через неделю непрерывных толчков реки приобрели непривычный жёлтый цвет, а воздухе ощутимо завоняло серой. Время от времени сквозь толщу вод пробивались языки пламени... Солнце исчезло, сплошной дым от колоссальных лесных пожаров не рассеивался ни на секунду, а от запаха серы люди задыхались и теряли рассудок.

Народ прореагировал адекватно для своего времени. Торговцы «огненной водой» разбивали бочки и выливали зелье на землю. Должники спешили расплатиться с кредиторами, а те прощали долги всем. Церкви были забиты молящимися круглые сутки. Крёстные ходы шли непрерывно. Ко второй неделе ужаса все стали передвигаться только на коленях, непрерывно молясь и раздавая милостыню друг другу. Индейцы вступали в лоно церкви целыми племенами, а священники не брали мзду за таинство. Церковь Канады простила женщин, виновных в ереси – так называемую группировку «Дамы Святого семейства», участницы которой осмелились танцевать на церковной площади столицы в знак протеста против политики колониальной администрации. А дамы-хулиганки смиренно явились в церковь и молили о прощении.

Ужас длился месяц. А потом всё стихло. Кредиторы отменили прощение долгов, торговцы алкоголем взвинтили цены, дабы возместить убытки. Всё вернулось на круги своя. Ещё полгода страну потрясло – за следующие шесть месяцев насчитали ещё тридцать четыре новых толчка, но люди поняли, что это Он пока просто их пугает.

Этот Конец Света сыграл огромную роль в истории Канады – после него администратор колонии, который дал в разгар катаклизма обет – умолить короля Франции о помощи Канаде, исполнил обещание, так ревностно короля просил, что тот прислал войска для защиты от ирокезов и придал землям статус полноценной колонии. А епископ Лаваль позволил женщинам танцевать на улицах.

Названия нескольких городов, районов, рек и озер напоминают об этом событии.

Второй Конец Света случился в 1818 году, он был короче, не был связан с землетрясением, длился всего лишь неделю, но в чём-то был страшнее первого. Хотя бы тем, что даже самые отъявленные скептики и учёные после первых попыток сопротивления хаосу вернулись в лоно церкви и бросились замаливать грехи. Но это уже другая история.

Примечание Пуши: Домашним животным тяжело пришлось, но их разве кто пожалеет.

1663 год: Первый коллективный иск в Канаде

Канада, 30 декабря 1663 года. Суд рассматривает коллективный иск жителей деревни *Sar-de-la-Madeleine* (к нашему времени деревушка давно стала районом города Труа-Ривьер). Два десятка семей (видимо, все семьи деревушки) против двух торговцев едой и напитками, хозяев передвижной лавки, которая заезжает в деревню раз в неделю.

Что же случилось? А случилось вот что: 10 ноября 1663 года жители деревни возмутились ценами на товары, разложенными купцами на центральной площади, вызвали полицию из города. Зарегистрировали цены на товары в присутствии полиции, нотариуса и представителя городской мэрии Труа-Ривьер, после чего торговцев отпустили вместе с товаром. 17 ноября жители подали коллективный иск в суд на торговцев.

Суд рассмотрел дело 30 декабря 1663 года и принял следующее решение по делу: «Присуждён штраф торговцам в пользу государственной казны – 10 ливров». Они должны выплатить штраф в пользу жителей деревни – 10 ливров (каждой семье поровну). Запрещено устанавливать цены выше 5% закупочных цен на продукты питания и 10% на напитки, но разрешено добавлять в цены расходы на транспорт и проживание, прибавляя расходы к цене на продукты (то есть, цену можно ещё на 2% увеличить, если продавцы платят за постой и покупают овёс для лошадей, например).

Штраф купцы обязаны выплатить немедленно, потому что решения по судебным тяжбам по суммам, не превышающим 100 ливров, обжалованию не подлежат.

Так начался, проходил и на том завершился первый бунт в Канаде в связи с повышением цен. Это произошло в 1663 году. До рождения Петра Первого в России ещё десять лет.

Примечание Пуши: А нас, котов, раньше кормили объедками со стола. Я знаю, мне бабушка рассказывала.

1664 год: Суд над индейцем-насильником

Расскажу-ка я вам, любезные мои читатели, о грустном эпизоде из канадской истории. Но в чём-то симпатичном. Судите сами.

Весной 1664 года Марта Юбер, жительница острова Орлеан (это большой остров, расположенный прямо перед городом Квебек, тогдашней столицы Канады) пошла в лес за хворостом. В лесу девушку заметил индеец (какого племени, мы не знаем, но из союзников французов). Молодые люди мило поболтали, потому что были знакомы, а потом, слово за слово, юноша потерял голову, набросился на девицу и изнасиловал.

Марта прибежала домой в слезах, жители тут же помчались в лес, но юноши и след простыл, разумеется. Сообщили полицейским (тогда их называли archers – лучники или даже «стрельцы»). Те отправились в индейское поселение, где молодого человека быстро нашли и арестовали.

Правосудие в те времена вершилось быстро, поэтому судебный процесс длился всего один день. По закону, за изнасилование полагалась смертная казнь. Молодой индеец – в бумагах он фигурирует, как Угрюмая Сова с Топором – был приговорён к казни. Но смертный приговор должен был утвердить Высший совет Канады (Новой Франции), а поскольку речь идёт об индейце, на заседание приглашены вожди индейских племён, поселения которых расположены около города, под защитой городских орудий, так как идёт война между ирокезами с одной стороны, и остальными народностями, состоящими в союзе с французами с другой.

Заседание Совета состоялось 20 апреля 1664 года. В нём приняли участие вожди алгонкинов, гуронов, тадусаков, неписингов, абенаков и одного из племён ирокезов, которое держало нейтралитет. Секретарь Совета вёл протокол заседания на французском языке. Два переводчика вели протокол на двух индейских языках.

В ходе разбирательства председатель Совета заявляет, что по закону насильник должен быть повешен незамедлительно, но ему предоставляется право на крещение и исповедь, если он желает умереть христианином. Желают ли уважаемые представители индейцев что-то сказать?

Поднимается вождь алгонкинов и заявляет, что он уполномочен говорить от имени остальных вождей. Те благосклонными кивками подтверждают правоту выступающего.

В начале выступления вождь алгонкинов приносит извинения девушке и признаёт вину молодого индейца. Преступление юноши не подлежит сомнению и он должен быть сурово наказан!

Но, – продолжает вождь, спросим себя: а французская молодёжь подаёт ли пример юношам-индейцам? Достаточно пройти по лесу в погожий денёк, и мы везде увидим сцены прелюбодеяний, где незамужние и неженатые поселенцы предаются утехам. Так это или нет? Так! А не счёл ли наш юноша в таком случае, что раз девушка пошла в лес в одиночестве, она была согласна на мимолётные отношения, тем более, что она не прервала разговор с юношей, а мило болтала с ним, одновременно подоткнув юбку и постоянно наклоняясь за хворостом, стоя при этом то грудью, то задом к молодому человеку (тезис «сама дура виновата», как видим, применялся в ходе разбирательств уже в те времена). Вина, таким образом, лежит на нравах французской молодежи, которая подаёт не лучший пример подрастающему индейскому поколению.

Что ещё более важно, и что должно быть решающим при вынесении приговора, так это тот факт, что впервые за всю историю полувековых дружеских отношений между индейцами и французами индейцы узнают, что за изнасилование полагается казнь. Ни разу, ни в одном соглашении не упоминается о таком наказании за это преступление.

Индейцы предлагают, таким образом, на первый раз не применять смертную казнь, а ограничиться наказанием по индейским законам – крупным штрафом в пользу семьи девушки.

Губернатор резонно возражает, что недостойное поведение других молодых людей не является оправданием изнасилования, которое свершилось в первый раз и которое должно быть примерно наказано, дабы утратить остальных возможных насильников. Тем более, что незнание закона не освобождает преступника от вины.

Посоветовавшись, индейские вожди признают правоту французов и соглашаются на смертную казнь. Но тут же заявляют, что выплата всех долгов индейцев торговцам-французам отменяется, а советы племён завтра соберутся на обсуждение вопроса о разрыве союза и об объявлении войны французам.

Затем вождь поясняет, что согласно старинным законам, если одно племя казнит представителя другого племени за преступление, то это означает объявление войны. Губернатор колонии удивленно задает вопрос: – «А почему мы не знали о таких традициях?» Индейцы пожимают плечами: «так случая не было рассказать. А незнание закона вину не отменяет. Воевать будем с вами, а что делать. Не хотим, а надо».

Высший совет пересматривает решение тут же. Насильник приговаривается к выплате большого штрафа. Стороны вносят в действующий договор о мире и дружбе добавление о смертной казни за изнасилование любой стороной представительницы другой стороны.

Угрюмая Сова с Топором выплатил половину штрафа, после чего ушёл на войну с ирокезами, обязавшись заплатить остаток по возвращении из похода. Он погиб в бою – в следующем, 1665 году. Остаток штрафа выплатило племя.

Примечание Пуши: Хоть штраф заплатили, и то хорошо.

XVI-XVIII века: Индейские женщины

В XVI-XVII, европейцы, прибывающие в Канаду, с удивлением наблюдали за странным, по европейским понятиям, обществом местных индейцев.

В некоторых племенах наследование шло только по материнской линии. Как правило, когда индеец женился, он переезжал в дом семьи супруги. Более того, довольно часто именно женщины были вождями племенных групп, обществ и поселений.

Рождение девочки приносило удачу. В случае ссоры, закончившейся гибелью мужчины, убийца обязан был следать семье жертвы тридцать подарков, тогда как за убийство женщины полагалось целых сорок.

Согласно индейской теологии, земля и все люди произошли от богини-матери – у племени гуронов её звали Аатенсик (Aatentsic), а посему женщинам принадлежит главенствующая роль.

Европейцам такого отношения к женщине было не понять, ведь та должна была сидеть дома, убирать, готовить еду, стирать, ухаживать за детьми, улаживать мужа и ходить в церковь. А тут, понимаешь, распустили их. И, к тому же, индейские женщины, в отличие от европейек, не покрывали волосы платком. Одним словом, царили совершенное варварство и разврат. Тем более, что приезжие поселенки-европейки быстро перенимали свободу нравов и независимое поведение женщин-индианок. Что мужчинам-европейцам совсем не нравилось.

Примечание Пуши Надеюсь, индейские женщины находили время для тискания котов? Если нет, то непорядок это.

XVII век: К вопросу о феминизме былых времён

В XVII веке французский монах Жозеф-Франсуа Лафито описал нравы и обычаи индейцев Канады в чрезвычайно интересной книге « Обычаи американских дикарей в сравнении с нашими обычаями прошлого» (Moeurs des sauvages américains comparées aux mœurs des premiers temps), издана в 1724 году в Париже.

Во втором томе книги есть любопытный эпизод из главы «Индийские войны». Внемли, о читатель:

У одной женщины убили мужа. И никто из его родственников не хотел за него мстить, отнекивались. То ли не до мести было, то ли не любили его. Но не мстили. Тогда эта женщина сама взяла лук и стрелы и пошла за мужа мстить. Захватила врагов из вражеского племени, привела пленных в деревню, сама убила одного, остальных отдала детям своим и строго приглядывала, как они пытаются и добивают пленных. Похвалила за сноровку.

Пошла снова на охоту, снова привела пленных, тут уже дети пытали их гораздо дольше, потому что научились мучить врага, и пленные померли только дней через десять.

Началась очередная война. Женщина состригла длинные волосы, сделала причёску, как у мужчин, переделась в мужскую одежду и пошла на войну. Уже не о мести шла речь – она же уже отомстила, а просто понравилось.

Привела она на сей раз пленниц, потому что воинов в плен не брала, убивала.

А с пленницами стала поступать так, как с ними воины поступали – стала с ними ночами вместе ложиться, а днем заставляла работать. А когда пленница ей не нравилась, то она её убивала и устраивала пир, готовя из неё блюда, детей и родственников угощала.

Потом старый вождь умер, а эту женщину избрали новым вождем, потому что боялись и уважали.

Примечание Пуши: Замечу напоследок, что каннибализм у индейцев Северной Америки развит не был. Имел место редко, хотя и не возбранялся. Наверно, ели людей во время голодных зим, а может быть и в ритуальных целях. Котов тоже не ели, потому что мы, коты, открыли континент только в 16ом веке, приплыв в Америку на кораблях европейцев.

1667: И вновь о правосудии в Канаде XVII века

20 ноября 1667 года. Жительница острова Орлеан (большой остров напротив города Квебека) Сусанна Мивиль подаёт в суд на Жана Рате (Raté). Негодяй изнасиловал младшую дочь Сусанны, одиннадцатилетнюю девочку.

Обстоятельства происшествия в документах не зафиксированы, но указано, что суд 22 ноября заслушивает показания матери девочки, обвиняемого и четырёх свидетелей. Все свидетели подтверждают факт насилия. Суд постановляет, в связи с требованиями закона, провести медицинское освидетельствование девочки, но саму её не допрашивать, чтобы не причинять новые душевные травмы.

23 ноября 1667 года врач Жан Мадри осматривает девочку и в тот же день предоставляет в суд медицинский отчёт, где подтверждает факт насилия (текст отчёта суд запрещает к публикации, как касающийся интимных подробностей состояния ребёнка).

24 ноября суд собирается на новое заседание. И тут мать девочки подаёт прошение. На сей раз она просит процесс прекратить, обвинение она снимает. Но женщина просит суд разрешить помолвку и замужество между девочкой и насильником. Простение подписано и бра- том обвиняемого – известным богатым крестьянином.

Суд откладывает заседание на сутки для изучения новых документов.

Наконец, 26 ноября 1667 года суд выносит приговор: Жан Рате признаётся виновным в изнасиловании 11-летней девочки. Преступник приговаривается к смертной казни через повешение. Губернатор должен утвердить приговор или отменить его. На принятие решения ему, губернатору, даются сутки. Приговоренный имеет право на подачу прошения о помиловании, которое будет рассмотрено ещё в течение одного дня...

Суд не признаёт просьбы об отмене процесса и помолвке, так как, со всей очевидностью, семья насильника выплатила крупную сумму в возмещение преступления, что само по себе похвально, но никаких послаблений для виновника этот факт не даёт.

Имущество приговоренного подлежит конфискации, продаётся с аукциона, а все вырученные средства, за исключением судебных издержек, отдаются девочке, которая получает право распоряжаться ими как приданым, когда выйдет замуж. Или по достижению 25 лет, если до этого срока она замуж не выйдет.

27 ноября губернатор колонии утверждает приговор.

На следующий день преступник подаёт прошение о помиловании.

29 ноября губернатор отклоняет просьбу о помиловании. 30 ноября приговоренный проводит в камере, где прощается с близкими.

В 00 часов на 1 декабря 1667 года насильник причащается, молится, исповедуется. В 2 часа ночи его вешают.

Прошло всего десять дней с момента насилия на ребёнком до казни негодяя. Все требования закона соблюдены, процесс проведён без нарушений.

Согласно приходским записям, девочка Анна Пулле (Anne Poulet) вышла замуж через семь лет, в возрасте 18 лет, и прожила до 42 лет в деревне на острове Орлеан, родила восьмерых детей – обычное дело для тех времён.

Примечание Пуши: Наверняка, и котов мучил.

1668 год: Коррупция былых времён в Канаде

25 июля 1668 года в тогдашней столице Канады, городе Квебеке, состоялся суд. Судили человека по имени Гайяр (Gaillard). В судебных документах имя его не сохранилось, упомянута только фамилия.

За что человека судили? А вот за что: в те годы премьер-министром Канады был Жан Талон (официально эта должность называлась “intendant”, и он управлял текущими делами, поэтому для простоты будем называть его “премьер-министром”, так как суть должности как раз в этом). Ходили упорные слухи, что Талон – взяточник, что он построил пару дворцов во Франции на украденные деньги, что держит вклады в финансовых компаниях на Карибских островах, что держит всю торговлю, что без его позволения лавка не откроется. Даже не слухи об этом ходили, а сомнений не было ни у кого.

И тут находится смельчак – тот самый Гайяр, – который развешивает на дверях пары церквей и на дверях столичной мэрии анонимные листовки с подробным рассказом о деяниях Талона. Человек к делу подошёл серьёзно и расследование провёл тщательное. В те времена протесты часто вывешивались на дверях церквей (вспомним Мартина Лютера). Не зря полиция начала автора искать.

Но тут Гайяр сам объявляется и заявляет: – Это я написал листовки! Я разоблачил вора и мошенника! Вяжите меня! И судите! Отдайте под суд за клевету на премьер-министра колонии! И вам придётся или приговорить меня к каторге, или признать мою правоту! В любом случае без суда не обойтись, а во время суда следствию придётся изучать мои обвинения, публично их оглашая и или уж опровергая, или подтверждая. Придётся вызвать свидетелей, поднимать отчёты, сведения о движении средств, вызывать в суд работников и хозяев предприятий, изъять для изучения документы премьер-министра и правительства на проверку, провести аудит бюджета и много чего ещё сделать...

Ха! Казалось бы, Гайяр поставил власть в сложное положение... Но не сообразил он, что премьеры тоже не лыком шиты.

Суд-то и впрямь состоялся, 25 июля 1668 года. Только вот рассматривалось на суде одно обвинение – упоминание имени Короля Франции в оскорбительном смысле! Дело в том, что Гайяр в листовке написал следующую фразу: “Король Франции назначил премьер-министром человека, который оказался вором.” А раз так, то Гайяр является пасквилянтом, клеветником, негодяем, агентом британской разведки. Потому что он пачкает имя короля Франции, намекая на его связь в жуликами и ворами.

Гайяр пытался оправдаться – мол, я просто указал, кем Талон назначен на свой пост, я про короля ничего обидного и не говорил! Куда там, присудили ему три года каторги на галерах и выплату 300 ливров штрафа за оскорбление его величества.

Листовки с изложением обвинений суд постановил сжечь, так как в текстах встречается имя короля! По существу обвинений Гайяра суд рассматривать тексты отказался, потому что в них содержалась фраза, оскорбляющая Его Величество! В судебных архивах и то текст не сохранился. Что там понаписал радетель за правду, никто и не знает.

А народ приговор радостно поддержал. Потому что, за вычетом издержек, суд постановил всю сумму штрафа направить на улучшение благосостояния трудящихся и вложить деньги в строительство таверны в столице.

Больше про Гайяра никаких упоминаний в архивах нет. Талон вернулся во Францию через пару лет, где жил припеваючи в своих дворцах до самой кончины ещё четверть века спустя.

Примечание Пуши: И что изменилось в мире с тех пор, спросим?

XVII век: Как наказывали в Канаде за супружескую неверность

Опять феминистическое из канадской истории:

В октябре 1668 года Антуан Анторш Наполитен (так в деле записано, возможно, это не фамилия, а кличка – Неаполитанец) подаёт жалобу в суд на неподобающее поведение своей супруги по имени Исабель Алюр. Жена несчастного Антуана (цитируем заявление супруга) «пользуясь своей красотой и обаянием, совратила моего соседа Луи Толоми и неоднократно предавалась с ним любовным утехам, о чём я узнал, проследив за их совместными прогулками».

Суд постановляет провести следствие (именно суд принимал такое решение, так как прокуратуры и следственных органов ещё не существовало). Следователь всего за три недели блестяще справляется с работой путём опроса свидетелей, обвиняемых, сбора улик с места утех в лесу, которые были указаны мужем.

Следствие установило, что связь между любовниками началась ещё во Франции, где все участники сели на корабль, отправляющийся в Канаду. Связь продолжалась на корабле, где любовники уединялись в углу, пока муж спал.

К удивлению супруга, следствие установило, что у Изабель был ещё один ухажёр, по имени Жан Шарно. Пользуясь отсутствием мужа, который уходил на работу в поле, означенный Жан Шарно неоднократно посещал Изабель Алюр, а когда супруг отправлялся в город на рынок на несколько дней, эта парочка предавалась совместному распитию спиртных напитков, а именно, самогона. Жан Шарно после этого оставался в доме Антуана Анторша на ночь, причем из дома полночи доносились крики и Жана, и Изабелы. Муж ничего и не подозревал.

Следствие закончено, начинается суд, на котором следователь, свидетели и обвиняемые дают подробные показания. Суд длится три недели, народ собирается в зал каждый день огромной толпой, благо, сбор урожая завершён, свободного времени много.

В последний день процесса, 27 ноября 1668 года, муж молит суд проявить снисходительность к жене, которая попала под дурное влияние двух проходимцев. Но и требует сурового наказания для мужчин как лиц, разрушающих своими деяниями семейное счастье.

Суд внял мольбам супруга. Изабель Алюр приговаривается всего лишь к вставанию на колени и громогласной просьбе о прощении супруга за прелюбодеяния. После чего Антуан милостиво жену прощает.

Оба героя-любовника так легко не отделались. Луи Толоми высылается за пределы Канады навечно, с первым кораблём, который придёт в Квебек после зимы. В случае попытки вернуться, он будет немедленно повешен. Он обязан вернуть Изабелы все полученные от неё подарки (шарф, куртку, ботинки, два кольца, цепочку). Вся его собственность конфискуется, а дополнительно на него возлагается штраф в 100 ливров, который он должен будет заплатить из доходов, что получит зимой, работая на общественных работах в ожидании корабля.

Жан Шарно приговаривается к выплате 500 ливров, вся его собственность конфискуется в пользу государства, но высылке он не подлежит по малолетству (ему всего лишь 20 лет, тогда как остальным участникам драмы – по 35-40 лет).

Примечание Пуши: А если бы он котика подарил, его бы тоже заставили вернуть?

1669 год: Убийство ирокеза

В 1669 году в Канаде объявлено очередное перемирие в многолетней войне между французскими колонистами и ирокезами. Война длилась уже более полувека, с переменным успехом, с правильными осадами, рейдами, карательными экспедициями с обеих сторон, резнёй деревень поселенцев и деревень ирокезов. Ненависти с обеих сторон накопилось много.

Но случались и перемирия, по случаю религиозных праздников, уборки урожая, просто по усталости.

И вот во время летнего перемирия 1669 года один ирокез отправился в Монреаль с грузом бобровых шкур на продажу. В лесу у деревушки Пуант-Клер он случайно встречается с пятью французскими солдатами, которые решили поохотиться на оленей. Солдаты убеждаются, что индеец один, видят тюки со шкурами, которыми нагружены его лошади, и решают ирокеза убить, а шкуры выгодно продать. Сказано – сделано. Человека топят в реке Св. Лаврентия, шкуры продают в меховых лавках Монреаля.

Через неделю жители обнаруживают тело жертвы значительно ниже по течению и передают его ирокезам. На шее у несчастного привязан камень – очевидно, имело место преступление. Ирокезы подают жалобу городским властям.

Начинается следствие, в ходе которого местная полиция вместе с представителями ирокезов проверяет меховые лавки, где и находят шкуры с клеймом убитого индейца. Хозяин лавки указывает на солдат. Все пятеро убийц арестованы и предстают перед судом.

Как и принято было в те времена, суд длится всего один день. Все солдаты признали вину, но сваливают её друг на друга. Все пятеро приговорены к немедленному расстрелу (смертную казнь должен утверждать губернатор колонии, который живёт в городе Квебек, но он находился в Монреале с инспекцией; он тут же приговор и утвердил). Всех пятерых осуждённых привязывают к столбам, перед ними выстраивается взвод солдат, солдаты поднимают ружья...

И тут поднимают крик ирокезы. Обращаясь к суду, губернатору и другим французам, их вождь удивлённо спрашивает – «Вы что, пятерых своих солдат собираетесь казнить за нашего воина?» – «Да, а в чём дело? Они же признали вину, они совершили убийство, по закону полагается смертная казнь.» – «Так их же пятеро, так нельзя! Вы должны казнить одного своего за одного нашего, так будет правильно. Мы не хотим казни пятерых ваших за одного нашего, это нечестно.»

Ирокезам пытаются пояснить, что таковы законы белого человека – все виновны в одинаковой степени, всех казнят.

Ирокезы в изумлении качают головами: – «Люди, ведь перемирие закончится через 3 недели, у вас на всю страну 300 солдат. И пятерых своих вы убиваете за убийство одного нашего воина, который через месяц резал бы вас снова? Пощадите четверых, мы все за них просим.

Им в ответ: – «Закон есть закон, все они совершили убийство, все за него отвечают!»

Губернатор отдаёт приказ. Раздаётся залп, все пятеро преступников расстреляны.

Ирокезам возвращают украденные шкуры и передают всё имущество расстрелянных, которое по закону переходит семье жертвы. Изумлённые и ошарашенные индейцы не знают, что и сказать...

Этот суд состоялся 5 июля 1669 года, расстреляны преступники были 6 июля, на следующий день. Война возобновилась 1 августа 1669 года и шла ещё свыше тридцати лет, до 1701 года, когда наконец-то стороны заключили мир. Но перемирия бывали, это да.

Примечание Пуши: Люди бывают справедливы, что есть, то есть. Даже поглядить могут!

XVII век: Премия за медведей

В конце XVII века Монреаль подвергся нашествию медведей. Житья от них не стало, выйти за городские стены нельзя. Овёс травят, коров задирают, лошадей запугивают.

И вот решила власть начать битву с медведями. Пошли самым простым и правильным (казалось бы) путём: Объявили награду – за каждую медвежью шкуру полагается ливр!

Через день городские власти выплатили уже сотню ливров. Через неделю – тысячу. Горсовет шкурами завален был, девать некуда.

А народ во всей Северной Америке прослышал про призовые. И понеслось! Лодки, наполненные медвежьими шкурами, шли аж из Нью-Йорка. Везли шкуры животных всех возрастов.

Горсовет объявил, что шкуры медвежат принимать не будут. Не беда, всё равно тысячи шкур прибыли, очередь их сдать выстраивалась с вечера.

Сдавали шкуры, которые десятки лет пролежали в передних домах, сдавали половинки, умело обрезанные под целую. Сдавали шкуры енотов, подделанные под малого медведя.

Закончилось счастье, когда из Франции прибыл корабль, груженный медвежьими шкурами. Мэр города сошёл с ума.

А всё почему? А всё потому, что мэрия не подумала указать, что принимаются шкуры только зверей, убитых около Монреаля. Вот такая история.

Примечание Пуши: Ещё хорошо, что котов не пустили на медвежьи шкуры!

XVII-XVIII века: Как индейцы стреляли из лука

Есть два способа держать лук во время стрельбы. Вертикальный, когда лук держат перпендикулярно земле, а тетива натянута вертикально. И горизонтальный, когда стрелу кладут на тетиву сверху, а лук держат параллельно земле.

Считается, все лучники во время войн – начиная с осады Трои, а то и раньше, до замены лука огнестрельным оружием, держали его вертикально. Такой подход не случаен. Оставим в стороне физические выкладки, формулы и чертежи. Простейший анализ перераспределения сил при натяжении тетивы покажет, что при вертикальном положении лука и при том же приложении усилий стрела будет выпущена с большей скоростью, и, следовательно, с большой убойной силой.

Проще говоря, уже в древности люди интуитивно поняли, что стрела при стрельбе из вертикально удерживаемого лука полетит дальше или же пробьет шкуру оленя с большей силой.

И древнегреческие фрески, и средневековые восточные миниатюры, и описания сражений, где лучники решили судьбу человечества (битва при Айзенкуре между англичанами и французами, например), – все исторические свидетельства подтверждают, что лук ставился вертикально (кстати, при использовании больших луков – таких, как используемые при Айзенкуре, – горизонтально тетиву натянуть невозможно).

Однако, обратите внимание, как играют с луками дети. В пятилетнем возрасте ребенок держит лук горизонтально! Это объяснимо – не надо удерживать стрелу, которая удобно покоится на деревянной части. И целиться ребёнку удобнее, так как ему не мешает вертикальное древко лука. Как только ребенок достигает возраста лет в восемь, его пытливый ум вдруг понимает выгоды удерживания лука вертикально. Но не в пять лет!

И вот исторический факт, который всегда, во всех фильмах, на всех иллюстрациях, во всех романах, подается неверно: на самом деле, индейцы Америки никогда не стреляли из лука, удерживая его в вертикальном положении. Они всегда держали только горизонтально. Как дети

Почему? Потому что уровень развития первобытного общества не дошел до понимания «выгодности» стрельбы из вертикального положения лука! И даже в конце XIX века, в последних битвах между индейцами и белыми, когда, казалось бы, вот уже чуть ли не четыреста лет, индейцы видели, как стреляют из лука белые (а многие белые охотники пользовались луками), они так и не смогли перенять более удобный способ.

А ведь разница в положении оружия – вертикально или горизонтально удерживаемый лук, – это не просто улучшение результатов стрельбы. Нет! Это качественный прыжок в развитии человечества. Это больше мяса, приносимого с охоты, это победа племени в войне, это развитие своего народа... Но и полтысячи лет не хватило индейцам, чтобы перейти к «вертикальной» стрельбе.

Поэтому, когда в очередной раз вы увидите на экране, как индейский воин стреляет в бледнолицего, держа лук вертикально, – вы можете снисходительно улыбнуться. Никогда такого не было.

Примечание Пуши: Мы, кошачьи, и без лука прекрасно охотимся!

XVII век: История любви

В 1662 году среди очередных переселенцев прибывает в Канаду некий мужчина по имени Пьер Пише, из французского города Пуатье. Поселенец отправился за море один, оставив дома жену по имени Лукер Мари. Мол, потерпи дорогая, как только на новом месте обоснуюсь, тебя выпишу тут же, не позже, чем через год. Многие так поступали, отправляясь в иммиграцию в Канаду в те времена (да и сегодня бывает так).

И вот, не успеваешь Пьер распаковать чемоданы и баулы, как буквально следующим кораблём приходит письмо от родного брата: – «Пьер, мужайся, твоя любимая Мари скоростижно скончалась, проболев всего неделю. Прими соболезнования, держись!».

Пьер в истерике, мол, на кого ты меня покинула, как я без тебя буду, горе мне, несчастному... Заупокойную мессу отслужить попросил, помолился, как водится...

Но делать нечего, слёзы вытер, зубы стиснул, землю пашет. На следующий год встречает девицу (их мало было в Канаде, но встречались). Вдовье дело такое, мол, выходи за меня, будем вместе век коротать. Та согласная. Поженились. По тем временам дело быстро шло, через пять лет у них трое детей, живут, не нарадуются...

И тут однажды идёт Пьер по городу Квебеку (столица Канады на тот момент, значит, а в ней 2 тысячи населения всего). А навстречу сосед из родного Пуатье:

Пьер, ты ли? Глазам не верю, а говорили, помер! – Как помер? – Так брат твой сказал, ты погиб в плаванье. Вдова твоя, тьфу ты, жена твоя, панихиду справила, но верна тебе, живёт одна, хотя, правду скажу, твой брат к ней клинья подбивает, но она безутешная!

Пьер обращается к епископу: – Ваше преосвященство, как быть-то? Я же, оказывается, двоеженец, согрешил. Епископ советует: – Собирайся во Францию, вези сюда жену, она законная. А эту, с тремя детьми, оставь.

Пьер и поехал, по наущению пастыря (и то, это ж епископ, в XVII веке, кто осмелится перечить, это тебе не буги-вуги в храме Господнем танцевать). Приехал в Пуатье, к жене пришел...

Брат, как услышал, что Пьер объявился, тут же сбежал, только его и видели.

Пьер жену берет, на корабль садится и домой, в Канаду плывёт... Н-да... Незадача, дома новая жена с тремя детишками, а тут старая едет, новую бросить приказано...

В плавании первая женушка однажды ночью пошла по нужде к борту корабля, поскользнулась и кувырок за борт. Даже не крикнула, бедная, наверно, онемела от ужаса. Пьер домой доехал, поплакался епископу: мол, я честно её вёз сюда, а она вот... несчастный случай. Ну, и его снова вдовцом объявили, снова свадьбу со второй женой сыграли.

Эпилог: со второй женой Пьер Пише прожил еще много лет, и родились у них еще восемь детей.

Примечание Пуши: Когда много детишек, просто беда, каждый тебя тискает и за хвост норовит потянуть.

XVII век: Легенда об Амаледи

Существует древняя легенда индейцев Дакота, которая была впервые описана французскими первопроходцами добравшимися до их территорий в 1681 году. Согласно записям руководителя экспедиции Рене-Робера Кавелье де Ласаля, индейцы устроили в честь французов представление, которое стало частью праздника. Никто из индейцев не смог пояснить происхождение легенды. Ласаль записал её на следующий день после представления со слов местного шамана. Вот текст сказания:

Жил когда-то великий вождь, которого убил его собственный брат. Не в честном бою убил, а тайно. Яд из корней лебеды приготовил. Брат занял пост вождя, и взял себе в жёны женщину мертвого брата. А та и не возражала.

Но у погибшего вождя был сын, молодой воин по имени Амаледи. Однажды ночью мертвый вождь явился к Амаледи в виде духа лесов и рассказал ему всю историю убийства отца. И, конечно же, потребовал, чтобы сын отомстил. Бедный Амаледи даже не знал, как поступить.

Очевидно, он не должен был идти против желания своей матери и убивать ее нового мужа без её позволения. С другой стороны, злить духа тоже нельзя – а ведь этот дух леса уже был рассержен. Поэтому Амаледи не мог решить, что делать.

Хуже того, вождь-отравитель догадался, что Амаледи что-то знает. Вместе с противным, шаманом по имени Куолониси (Нечистый Сурок) он решил от Амаледи избавиться.

Чтобы защитить себя, Амаледи стал вести себя как сумасшедший, делая и говоря все задом наперед, и творя бессмысленные поступки. А безумцев трогать нельзя, поэтому на какое-то время он был в безопасности.

У Куолониси была дочь Цигалили (Белоснежная Горлица), которая сначала хотела, чтобы Амаледи стал её мужчиной. Но она не хотела жить с сумасшедшим – а кто ж захочет? – и она все время ходила и плакала. Когда юноша к ней подходил, то она умоляла его уйти.

В то же время мать Амаледи страдала из-за того, что её сын неуважительно относится к новому вождю. И все это время призрак продолжал появляться и кричать на Амаледи за то, что он долго не мстит.

Юноше стало так невыносимо тяжело, что он подумал о самоубийстве, но понял, что если он отправится в поля счастливой охоты, не отомстив, то его отец и там продолжит его попрекать.

И тогда Амаледи придумал. Однажды вечером племя устроило большие танцы в честь нового вождя. Пришли и приглашенные певцы из другого стойбища. Амаледи отвел главного из них в сторону и убедил заменить сочинённую тем песню, сказав ему, что новые слова ему сам Маниту во сне нашептал.

Ночью, когда танцоры плясали вокруг костра, а женщины стучали черепаховыми панцирями, певец запел:

*Теперь он льет это,
Теперь он льет яд,
Понимаете, есть два брата,
Видите, сейчас остался один.*

Вождь-убийца затрясся, как горячий камень в огне. Он вскочил и убежал. А Амаледи поссорился с матерью и сказал ей, что она ведёт себя постыдно.

Затем Амаледи убил Куолониси. Амаледи крикнул: «На! Дили! Дили!» (Там! Скунс, скунс!) И со всех сил стукнул боевой дубиной по шкуре вигвама. А Куолониси прятался за шкурой и погиб от удара. Амаледи сказал, что это был несчастный случай, но на самом деле он просто устал от старого дурака.

Цигалили сошла с ума после гибели отца и прыгнула в Ниагарский водопад. Ей устроили прекрасные похороны.

Теперь Амаледи преисполнился решимости убить своего дядю. Но и дядя был полон решимости убить Амаледи, но он был слишком большим трусом, чтобы сделать это сам.

Тогда дядя заставил сына Куолониси по имени Пантера вызвать Амаледи на бой. Пантера был хорошим бойцом, и ему было жалко убивать Амаледи из-за отца и сестры. Он хотел только устроить обычный поединок между воинами. Но вождь не стал рисковать.

Он смазал копьё Пантеры ядом. У него также была тыква с водой, в которой тоже был яд, на случай, если у Пантеры не получится достать Амаледи копьем.

Амаледи и Пантера покрасили свои лица в красный цвет, взяли копья и встретились лицом к лицу прямо перед домом вождя. Амаледи был так же хорош, как Пантера, но в конце концов он получил порез на руке. Прежде чем яд успел сработать, юные воины вступили в рукопашную борьбу, и Пантера нанёс пару ударов отравленным копьем, но Амаледи выхватил у него копьё и сам ударил противника.

Пока шёл бой под звуки тамтамов, мать Амаледи захотела пить, взяла тыкву с отравленной водой и выпила воду, прежде, чем муж успел её остановить. И она упала замертво.

Амаледи и Пантера бросили копья, но они уже были ранены, и яд медленно с ними покончил. И они оба умерли.

Если бы Амаледи остался жив, он стал бы великим вождём! Вернувшиеся из похода воины соорудили ему очень высокий костёр и сожгли тело, а поминки длились целую неделю, и на них пришли все соседние племена и даже народы из-за высокой горы и с другой стороны Большой реки.

Примечание Пуши: Хорошо ещё, что закричал «скунс», а не «кот!»

1671 год: Убийца в юбке

Расскажу эпизод из криминальной истории Канады. На дворе 1671 год. Канада покрыта лесами, всюду бродят медведи, идёт вялая война с ирокезами, расцветает дружба с гурунами, Гудзон наш, санкции, наложенные англичанами, нам только на пользу, духовность крепнет, всё идёт своим чередом.

29 июня 1671 года Жан Булен берёт в жёны Франсуазу Дюверже – вдову, чем супруг был убит (видимо, в пьяной драке) неизвестным солдатом год назад. С тех пор безутешная вдова жила одна-одинёшенька. Пока Жан Булен не положил глаз на неё и не взял в жёны. Весь июль и август молодые работают в поле. Жан замечает, что супруга полнеет на глазах, но на его вопросы женщина отвечает, что летом она всегда набирает вес. Потому что свежий воздух действует благотворно, работа в поле радует, обильная мучная еда идёт на пользу молодому организму.

В первых числах сентября Франсуаза вдруг занемогла, отлежалась дня три, встала – живот пропал. Муж несколько удивлён произошедшим, рассказывает об этом приятелям в таверне. Среди них оказались и люди знающие, которые пояснили, что наверняка жена родила, только где ребенок, и от кого, ведь женились только что, так что дело нечистое.

Муж в сомнениях, но жену спрашивать не хочет, раздумывает, приступает к поискам и находит свежую могилку за задней стеной дома. В ней обнаруживает тельце новорожденного младенца.

Жан тут же бежит в полицию. Жену арестовывают. Следователь, ведущий дело, докапывается – оказывается Франсуаза трижды обращалась к местной повитухе с просьбой о помощи в прерывании беременности. Та отказала, но никому рассказывать об этом не стала.

Следователь на этом не успокаивается. Так как Франсуаза признаёт, что забеременела от того самого солдата, который убил её первого супруга, а фамилия солдата – Лалиберте, следователь пишет запрос в гарнизон на берегах Онтарио, где Лаберте служит – мол, просьба задержать, допросить по вопросу об убийстве первого мужа и о внебрачных отношениях с обвиняемой. По результатам опроса командир гарнизона должен принять решение о том, необходимо ли солдата отправить в Квебек под конвоем для проведения дальнейших действий.

Из гарнизона приходит ответ – солдат Лалиберте пропал без вести год назад, считается дезертиром. Ого!

Франсуазу допрашивают снова. Она стоит на своём – «убила младенца в страхе перед новым мужем, а первого мужа убил Лалиберте, а куда убийца после этого делся, она не знает». Следователь принимает постановление о применении пытки. Такие решения должны утверждаться губернатором, поэтому утверждения надо ждать пару дней. За это время Франсуаза подумала и решила признаться – да, она убила и первого мужа, и солдата, который обещал на ней жениться, если муж пропадёт, а когда она тому сказала, что всё, муж мёртвенький вон в канаве лежит, солдат ужаснулся, сказал, что и в мыслях не было про убийство, он имел ввиду, что пусть выгонит его. Лалиберте собирался бежать в полицию. Пришлось и его тюкнуть, а чего это он тут?

Итак, три трупа – первый муж, любовник и ребёнок. Сегодня бы мы бы стали долго размышлять, а имеем ли право казнить преступницу. А тогда суд тут же приговаривает Франсуазу к повешению. Правда, в решении указывается, что раз женщина только что вышла замуж во второй раз, то надо врачу уточнить, не беременна ли она. Если беременна – казнь отложить до рождения ребёнка.

Адвокат Франсуазы подаёт резонный протест – местные врачи пристрастны, могут скрыть беременность его подзащитной. Суд принимает протест во внимание. Поэтому женщина сидит в тюрьме 2 месяца, пока в бухту Квебека не входит голландский корабль, на кото-

ром есть судовой врач. Его приглашают экспертом, его работа оплачивается государством. Врач по фамилии Russell (очевидно, англичанин?) обследует пациентку 12 ноября 1671 года и выносит решение «она не беременна».

17 ноября 1671 года приговор приведён в исполнение. Франсуаза Дюверже повешена, тело выставлено напоказ, по тогдашнему обычаю, на неделю, для устрашения потенциальных убийц.

Примечание Пуши: Коты у них наверняка были. Со вдовцом остались?

1690: Спасти рядового Ришара или как поступают настоящие девушки

В былые времена, надо признать, девушки были не чета нынешним. За мужика – в огонь и в воду! Это теперешние выйдут да сигаретами до ближайшего киоску, а по пути влюбятся в кого-нибудь, и поминай, как звали. А вот как в конце XVII века в Квебеке одна невеста поступила.

Собирались люди на войну. А так как во всей стране проживали тысяч 7-8 колонистов, включая детей малых и старушек в чепчиках, то мобилизовали в армию поголовно всё мужское население. И то, индеец наседали, поселенцы отступали с боями, заставляя злобного врага оплачивать кровью каждый метр захваченной территории. Но сил не хватало, и ирокезы уже рассматривали в бинокли башни столицы.

Вождь квебекского народа героический граф Фронтенак (тот самый, чьё сердце после кончины по завещанию было отправлено вдове в Париж – впрочем, та оказалась достойной современных вертихвосток и сердце не приняла – мол, при жизни я его не видела, и теперь не хочу)... Да, так вот, Фронтенак повелел провести призыв даже 17-летних юнцов – отечество в опасности, к оружию, граждане, ирокез у ворот!

И решил Фронтенак ополчение в лес послать, чтоб с тылу, значит, ирокеза потрепать.

Забрили в солдаты одного паренька. А надо сказать, была у него невеста, по имени Аннушка, по фамилии Эмонд. Вся из себя пригожая, да хорошая. Вот узнала Аня про то, что жениха на фронт отправляют, и пригорюнилась. Но долго горевать не стала, а сообразила, что делать: раздобыла девушка мужескую одежду, переделалась, лицо сажей измазала, явилась к графу и говорит грубым голосом: – Я тут из лесу домой шёл намедни, так завидел, как рядом с городом индейцы да англичане таятся, ножи точут. Как только армия наша из города выйдет, так они тут как тут, всех и порежут. Ты, граф, лучше никуда армию не выпускай, пушай в стенах хоронится.

Фронтенак было поверил, да только в последний момент «мужик из лесу» неловко повернулся, ресницами моргнул, тут Фронтенак и сообразил, что дело неладно. Разоблачил Аннушку, ухватив её за грудь. Та взвизгнула, не готова оказалась к такому обороту.

Ладно, долго ли, коротко ли, повязали Анну и всыпали ей батоков по суду, чтоб, значит, мужское платье не носила. На том дело и кончилось. Жениха мобилизовали, на фронт отправили, но повезло, вернулся, женился на заступнице, стали поживать и добра наживать.

Примечание Пуши: И котика завели, чтоб мышей ловил! Потому что хорошие люди.

Конец XVII века: Конфликт приоритетов в Канаде

В конце XVII века в Канаде разразился страшный скандал, который поставил страну на грань гражданской войны. А всё дело было в споре и дразгах по поводу того, кто за кем должен входить в кафедральный собор во время торжественных шествий. Первым идёт епископ или губернатор колонии? А третьим премьер-министр? Или заместитель епископа? И так далее, по порядку. Входили же в собор гуськом, друг за дружкой. Вот и началась драка за приоритет. И в истории события остались известны как «Конфликт приоритетов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.